

Михаил Араловец

The poster features a close-up of a man's face, split vertically. The left side is in black and white, showing a serious expression. The right side is a blue-tinted, digital or stylized version of the same face, with glowing orange eyes and a menacing, almost monstrous appearance. A silver revolver is positioned diagonally across the lower half of the image, overlapping the man's face and the title text.

Дубровский 2.0

Перезагрузка

Михаил Араловец

Дубровский 2.0. Перезагрузка

«Издательские решения»

Араловец М.

Дубровский 2.0. Перезагрузка / М. Араловец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963196-1

Встреча телеведущего Владимира Дубровского с двумя незнакомцами, которая поначалу рассматривалась им как веселое приключение, обернулась трагедией. Ее причиной стала семейная реликвия семьи Дубровских — карманный пистолет начала XIX века. Что за тайну хранит это раритетное оружие? Герои повести «Дело о подпольном роддоме» расследуют преступление будущего.

ISBN 978-5-44-963196-1

© Араловец М.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Часть I. Шторм	6
Часть II. Письмо	15
Часть III. Следствие	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дубровский 2.0 Перезагрузка

Михаил Араловец

*Все персонажи и события в книге являются вымышленными.
Любые совпадения с фактическими событиями совершенно случайны.*

© Михаил Араловец, 2019

ISBN 978-5-4496-3196-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

Часть I. Шторм

Дубровский-младший выехал из Санкт-Петербурга в самом мрачном настроении. Вчера вечером не только напился, но и крупно проигрался в известном всему городу подпольном казино. С хозяином заведения, откровенным бандитом, состоялся нелिцеприятный разговор. Тот пригласил Дубровского-младшего к себе в кабинет и скучным голосом, словно чиновник, отказывающий докучливому посетителю, заявил:

– Владимир Кириллович, ваш долг казино с учетом сегодняшнего проигрыша возрос до пятидесяти тысяч долларов. Кредит вы больше не получите, пока не вернете деньги. Когда собираетесь отдавать?

«Заложить бы тебя с твоим заведением, – подумал Дубровский-младший, – может, и отдавать бы не пришлось». Но тут же отогнал от себя опасную мысль. Знал, что «курируют» казино на самом верху, потому и живет заведение широко, не стесняясь. Зачем? Потом неприятностей не оберешься.

Вместо этого произнес:

– Дайте две недели.

– Так не пойдет, – покачал головой неприятный человек. – Мы уже давали вам отсрочку. Меня просто не поймут. Три дня. Кстати, о процентах тоже не забудьте. – И встал, давая понять, что разговор окончен.

Дубровский-младший вышел из кабинета, готовый разнести чертово заведение.

«Успокойся! – одернул он себя. – Успокойся, не пори горячку». Прошел длинным полутемным коридором в туалет, открыл дверь кабинки. Вытащил из кармана модного пиджака бумажный конвертик, отсыпал из него порошка на тыльную сторону ладони и шумно втянул носом белую пыль. В ноздрах мелко закололо. Запрокинул голову, подождал, когда кокс усвоится. Потом сунул конвертик обратно в карман, посмотрел на себя в зеркало: оттуда глянуло бледное лицо с темными тенями под глазами, с расширенными зрачками.

«Освещение такое или я действительно похож на наркомана? – подумал Дубровский-младший. – К черту, пусть будет так!» Порошок между тем начал действовать. Голова стала ясной, глаза заблестели, терзавшая тревога отступила.

– Твою мать, – выдохнул Дубровский-младший. – Твою мать. Прорвемся, не впервые, – повторил он. Ополоснул лицо холодной водой, пригладил мокрыми руками волосы и вышел из туалета.

Ресторан казино встретил его неярким освещением, приглушенным шумом, запахом хорошего табака (здесь не воспрещалось курить), негромкой мелодией в исполнении известного джазового квартета: трубач, ударник, виртуоз игры на банджо и гитаре и пианист. Дубровский-младший вслушался. Музыканты импровизировали, вели бесконечную, как чалма мусульманина, восточную тему. Он поморщился: не жаловал Восток.

К нему подошел знакомый метрдотель, знающий привычки завсегдатая:

– Владимир Кириллович, прошу, единственный свободный столик остался, рядом с иностранцами. Ничего? – как бы оправдываясь, сказал метрдотель.

– А что, иностранцы разве не люди? – рассмеялся Дубровский-младший.

* * *

«Рендж Ровер» сильно потрянуло. Дубровский, задумавшись, не заметил «лежачего полицейского». Удар прошел через все тело и гулом отразился в несвежей после вчерашнего застолья голове. С заднего сиденья донеслись недовольные возгласы – там сидели вчерашние странные иностранцы. А рядом, на пассажирском сиденье, – их переводчик Вася.

Дубровский-младший попытался собрать отдельные клочки памяти воедино и восстановить картину вчерашнего вечера. Получалось не очень. Его с утра мучило сильнейшее похмелье, очень уж хорошо вчера посидели.

Иностранцы действительно странные. Он сразу обратил на них внимание. Один низенький, толстенький, яйцеголовый и лысоватый, с маленькими, словно нарисованными черными усиками, загнутыми вверх, – такие носили, наверное, в 30-х годах прошлого столетия. Одет с иголки, даже чересчур элегантно, в хорошей тройке с бабочкой, в петлице пиджака – гвоздика, столь же неумовимо из прошлого.

Второй темнокожий, высокий, худой, одет не просто экстравагантно, а очень экстравагантно. Собственно, из-за этого Дубровский-младший и обратил на него внимание в первую очередь. Он выглядел как российский купчик конца XIX века: в косоворотке, подпоясанной тонким ремешком, в малиновой жилетке и широких штанах, заправленных в кирзовые сапоги, только бороды не хватало. Рядом на свободном стуле лежала меховая шапка с красной звездой, купленная, видимо, у лоточников возле Спаса на Крови, и котелок. И – что совсем уж поразило Дубровского-младшего – курил «Беломор». Оба они казались людьми из прошлого. И были до боли знакомы, хотя Дубровского-младшего с ними точно не знакомили.

Дубровский-младший сел за соседний столик, причем так, чтобы видеть странную троицу. Да, еще рядом с иностранцами сидел высокий, одетый в джинсы и свитер молодой человек, в котором легко можно было распознать переводчика, поскольку он делал заказ официанту на русском языке.

«Кого же они напоминают? – аж застонал, напрягая память, Дубровский-младший. – Нет, так не вспомнить. А закажу-ка я вискаря. Без него, пожалуй, не обойдешься».

Он подозвал официанта и сделал заказ. Но прекрасно обошлось и без вискаря. Выручил переводчик.

– Господин Гастингс, – обратился он к толстячку по-английски, – что будете пить?

– Бокал красного сухого. – Тот, кого называли Гастингсом, задержал взгляд на меню и добавил: – Французского. И прекрати так дымить, Пуаро.

Обращение, правда, осталось без внимания.

– А вы, мсье Пуаро? – вопрос адресовался ряженому господину.

Тот выпустил изо рта папиросу, прищурил глаза от дыма и коротко ответил, коверкая русский:

– Уodka.

«Ну точно, – осенило Дубровского-младшего, – английские актеры. Гастингс – Дэвид Суше, сыгравший знаменитого сыщика Пуаро в одноименном сериале. Только почему его называют Гастингсом? А Гастингс – это Пуаро... По-моему, это актер Хью Фрейзер. Только почему у него цвет кожи другой? Черт, совсем запутался... Неважно. Наверняка приехали в Россию снимать фильм с местным колоритом. Поэтому Пуаро – не-Суше – так странно одет. Наверняка придумали какую-нибудь антироссийскую клюкву».

Дубровский-младший изъяснялся на английском – спасибо папочке за спецшколу. Правда, не бегло, но для разговора сойдет.

– Простите, господа, что вмешиваюсь в ваш разговор, – обратился он к троице, хотя никакой беседы в настоящий момент те не вели. Каждый занимался своим делом: переводчик уточнял заказ у официанта, Пуаро листал путеводитель по Петербургу, а Гастингс-Суше с любопытством оглядывался вокруг.

– Простите, господа, – повторил Дубровский-младший, – огоньку не найдется прикурить? – и показал на свою сигару. Обращался он исключительно к Пуаро – не-Суше, – единственному, кто курил за соседним столиком.

– Дымишь? Молодец! А они меня осуждают. – Не-Суше ткнул окурком в сторону переводчика и Гастингса, – говорят, вредно. А по мне, так надо делать, что нравится, а не строить из себя ох... ных моралистов. Держи спички!

Дубровский-младший испытал некий социокультурный шок от слов не-Суше. Вернее, от ненормативного слова, которое знаменитый актер (актер ли?) произнес по-русски. Вообще, это как-то не вязалось с обликом английского джентльмена. Видимо, вид у Дубровского-младшего был еще тот, потому что переводчик засмеялся:

– Это еще цветочки!

Познакомились. Завязалась беседа. Переводчика звали Вася, а вот с иностранцами многое оказалось непонятно. Дубровский-младший поначалу отказывался верить. Да и как поверить, что английская знаменитость Дэвид Суше вовсе и не Суше, а самый настоящий живой Гастингс. Не литературный Гастингс, а на-сто-я-щий.

Когда их представили, Дубровский-младший отмахнулся:

– Не может быть!

Довольный переводчик заржал уже в голос:

– Представляешь, никто не верит. – И понизил голос: – Если честно, я и сам не верю. Эти двое – точно мистификаторы. Хотя они утверждают, что Пуаро, который сейчас сидит перед тобой, это внук того самого Пуаро, а Гастингс – внук того самого Гастингса, ну, из кино, Агата Кристи и все такое. Понимаешь?

– Да хрень какая-то. Как может такое быть. Литературный Пуаро белый, а этот... сам видишь. Что, от бесплотных литературных героев могут рождаться реальные дети? Чертовщина. Не могли они взять псевдонимы, а на самом деле их зовут Смит и Джонс?

– Я тоже так думаю. Документов их не видел, но знаю точно, что тот, который выдает себя за Пуаро, – афроамериканец. Для чего они назвались литературными героями, да еще такими? Я не знаю. Наверное, была причина. Но не заморачивайся, прими факт таким, какой есть. Ей-богу, легче станет. Я вот перестал об этом думать. Кстати, давай познакомимся. Чапаев Василий Иванович.

– Дубровский, Владимир... ни хрена себе, – протянул Дубровский и остановился. – Только вот этого не надо... Достаточно и бритишей.

Переводчик явно наслаждался произведенным эффектом и замешательством своего нового знакомого. Потом рассмеялся:

– Нет, это не то, о чем ты сейчас подумал. Мы однофамильцы. – При этом новый знакомец как-то хитро, с прищуром усмехнулся, и не поймешь, правду говорит или нет. – Никакого родства между мной и героем Гражданской войны не имеется. Надеюсь, что ты тоже лишь однофамилец пушкинского Дубровского, а не прадитя литературного героя!

– Нет, – соврал нынешний Дубровский-младший. Ему совсем не хотелось вдаваться в подробности своей личной жизни перед незнакомым человеком, пусть даже и Чапаевым. Чтобы уйти от неудобной темы, спросил у переводчика: – Чем занимаются эти клоуны и зачем в Питер приехали?

– Гастингс – частный детектив, а Пуаро – его помощник. В Петербург приехали туристами, по крайней мере, так говорят.

– Пуаро чего так вырядился?

– Я его об этом спрашивал, он говорит, мол, так представлял Россию. Еще удивлялся, что медведей на улицах не видно.

– Ты ему сказал, что он ошибался?

– Сказал, а толку: стереотипы сильнее людей. По крайней мере, водки завались.

Водки действительно было много выпито в этот вечер. Ее пили Чапаев, Пуаро и Дубровский-младший, закусывали пельменями, семгой и икрой. Гастингс потягивал вино, скорее делал вид, что пьет.

Пуаро с Чапаевым играли в рулетку, звали Дубровского, но он отказался, сказав, что человек неазартный. Конечно, проиграли. Ночь провели у Дубровского-младшего за картами.

* * *

Андрей Гаврилович Троекуров, отставной пехотный капитан, маялся перед зеркалом, пытаясь завязать галстук. Наконец не выдержал, позвал дочь:

– Маша, помоги. Тут черт ногу сломит. Зачем я тебя послушался, мог бы прекрасно обойтись без галстука. Ты же знаешь, что я его не ношу.

– Папа, Новый год, мы идем в гости, ты должен прилично выглядеть. – Дочь ловко завязала узел, подтянула к воротничку рубашки. – Не давит?

– Расслабь немного. Вот так.

Маша Троекурова служила в театре в Санкт-Петербурге и вырвалась к отцу в Выборг, чтобы вместе встретить Новый год. Родитель постоянно обижался, что встречает главный праздник один. Но как ему объяснить, что у актеров предновогодняя декада самая денежная и что роль Снегурочки позволяет хоть немного поправить бюджет. Но на это раз отец был непреклонен, и ей пришлось все бросить и мчаться в Выборг. Приехала, а ее ждал сюрприз: они приглашены в гости старым сослуживцем отца Кирилой Петровичем Дубровским.

– Кстати, там будет и этот, как его, твой ухажер, – саркастически бросил Троекуров, изображая пальцами нечто легковесное.

– Какой еще ухажер?

– Дубровский-младший. Или уже нет? – Троекуров иронично посмотрел на дочь.

Эта новость ее не обрадовала. Она сразу хотела отказаться от поездки, но пришлось бы объясняться с отцом. А этого совсем не хотелось. Больная тема, потому что отношения с ухажером, как назвал Дубровского-младшего отец, с недавних пор стремительно полетели под откос. Именно в тот день, когда состоялась их помолвка, которая тут же перешла в жесткую размолвку. Владимир напился, потерял контроль над собой, а она убежала в слезах. На следующий день он просил прощения, но она заявила, что пока тот не бросит губительных привычек, встречаться они не будут. Владимир побледнел, заявил, что ультиматумов не приемлет и если она не хочет продолжать их отношения, так тому и быть. И вот уже месяц они не виделись.

Ну как объяснишь отцу, что его дочь помолвлена с Дубровским-младшим, ведь отец не жаловал Владимира, считая его гулякой и бабником. И уж точно был недостоин его скромницы дочери. Как оказалось, тысячу раз был прав отец.

Маша познакомилась с Дубровским-младшим на телевидении, где работал Владимир. Он ей сразу понравился: открытый взгляд, мальчишеская улыбка, уйма обаяния, которая с лихвой компенсировала небольшой рост и некоторую subtilность. Да и телевизионная известность привлекала. Проклятая бабья натура. Уж на что, казалось бы, знала изнанку такой известности, а все равно было лестно познакомиться со звездой.

Кажется, она ему тоже понравилась. По крайней мере, обменялись телефонами. Не то чтобы она ждала его звонка, но чувствовала себя некомфортно до того момента, когда он позвонил. Начался роман.

Не сразу Маша узнала вторую натуру Дубровского-младшего: гуляка, пьяница, игрок. И врал ей. Но было уже поздно – она влюбилась как последняя дура. Через несколько месяцев после знакомства выяснилось, что Владимир начал баловаться кокаином. Вначале скрывал, потом перестал скрывать. И тогда перед ней встала дилемма: продолжать отношения или прекратить.

Но Маша не решалась на разрыв. И по причине, которую пока не хотелось никому объяснять – ни подругам, ни тем более отцу. А Владимиру и вовсе. Хотя понимала, что рано или поздно все откроется. Было от этого так нехорошо, потому что любое решение было либо плохим, либо очень плохим.

* * *

Отец постарался причесать свои до сих пор непокорные, но седые волосы и пошел надевать пиджак. Маша посмотрела на себя в зеркало. Ничего особенного: большой припухлый рот, великоватый, с горбинкой нос, прямые, как солома, волосы до плеч, худые, хотя и длинные ноги. Но вот глаза... глаза и вправду были замечательные – серо-зеленые, загадочные. И улыбка. Улыбалась она так: подавалась навстречу собеседнику, что создавало некую интимность, глаза озарялись внутренним светом, уголки губ чуть приподнимались, и все лицо становилось по-детски открытым и наивно-нежным. Но в последнее время улыбалась она нечасто.

По телевизору демонстрировали последствия урагана «Федерико», который бушевал над Северо-Западной Европой. Невиданной силы ветер со снегом сносил крыши домов, тащил за собой пешеходов, рвал линии электропередач, и тысячи людей остались без света. Не работали аэропорты, а по ТВ бесконечно крутили сюжет с самолетом, который никак не мог сесть – его сносило со взлетной полосы. Но пилоты продемонстрировали чудеса изобретательности, применили, сообщил диктор, так называемую технику «краба» и боком приземлились. И действительно, самолет то пятился, то подпрыгивал и на самом деле напоминал огромного краба. Диктор, правда, не сказал, что при этом испытывали пассажиры.

Ураган стремительно приближался к Петербургу.

Маша встревоженно глянула в окно. Небо затягивали черные тучи, ветер трепал ветки деревьев, старался пригнуть их к земле.

– Маша! – нетерпеливо крикнул из другой комнаты отец. – Такси пришло, пора!

– Ты всегда был нетерпелив, – вздохнула Маша, отрываясь от окна, и грустно прошептала: – Иду.

* * *

Дубровский-младший нажал на тормоз, сбрасывая скорость, – впереди стоял пост ДПС.

– Дай воды, – попросил он у Чапаева, – буксы горят после вчерашнего.

– Угу-м, – мотнул головой Василий и передал ему пластиковую бутылку «БонАквы». – У меня самого голова несвежая.

Дубровский-младший большими глотками разом отпил половину и вытер рот рукавом куртки:

– Плющит не по-детски. Кажется, я сильно перебрал вчера.

– Не то слово. Ты хоть что-нибудь помнишь?

– Что-то пошло не так? – встревожился Дубровский-младший. – Был скандал?

– Ну до этого, слава богу, не дошло, но гостей ты озадачил.

– Это как?

– Вы с Пуаро на пару исполняли «Дубинушку», а потом ты предложил ему выступить в своей телепередаче.

А было так. Играли в карты, не на деньги – гости наотрез отказались, а на интерес. Дубровский-младший поставил условие: в случае его выигрыша Пуаро вместе с Гастингсом исполнят русскую народную песню. Джон, трезвый человек, конечно, отказался, а Пуаро согласился. Естественно, проиграл, и пришлось тезке знаменитого литературного героя петь. Слов он не знал, как и мелодии, но Дубровский-младший вместе с Чапаевым быстро нашли выход

из положения. Научили пьяного Пуаро петь припев: «Эх, дубинушка, ухнем!» Получалось очень даже неплохо. Пуаро басил: «Эх, дыюбинүшка, ухнем» и даже попадал в такт.

Когда закончили, Дубровский-младший похвалил брита и предложил выступить в его телепередаче «Запой!».

– What is it? (Что это?) – удивился Пуаро.

– Booze, запой, за-пой, понял, Эрки? – перевел Чапаев. – Запой. Повтори!

– Запой. What is it? – все еще не понимал Пуаро.

Чапаев объяснил.

– О, запой! – с восхищением произнес. – Yes, карашо!

– Это не то, что тебе сказал Чапаев, – покачал головой Дубровский-младший. – Он неправильно объяснил. Чего ты дуришь человека? «Запой» – это программа на телевидении, в ней люди поют. Она крайне демократична. Democрасу, понял? Здесь любой человек, даже с улицы, может попробовать себя в роли певца. Например, ты, Эрки. You understood (ты понял)?

– Yes, I understood. Do you invite me? (Ты меня приглашаешь?)

Деваться было некуда. Раз было сказано «а», надо было говорить «б». Пришлось Дубровскому-младшему позвать английских чертей в свою программу. Чапаев категорически возражал:

– У них утвержденная программа в Питере, – настаивал он.

Пуаро, впрочем, был не против, а вот Гастингс колебался. Все решил широкий жест Дубровского-младшего, от которого было невозможно отказаться. А предложение вышло таким.

– Посещение настоящей русской усадьбы, – посулил он. – Новый год, фейерверк, водка, шашлык. Впечатлений – море.

– Вова, медведи будут? – это, конечно, Пуаро, кто ж еще мог задать такой глупый вопрос.

– Пригласим, – легкомысленно отмахнулся Дубровский-младший.

Получилось красиво. На этом споры закончились. Гости согласились. Решили выехать рано утром.

* * *

«Рендж Ровер» держал курс на Выборг. Когда проехали пост ДПС, у Дубровского-младшего зазвонил мобильный.

– Да, отец, – ответил Владимир и жестом попросил Чапаева замолчать.

– Да, едем, на полпути к Выборгу.

– Да, вижу, погода портится.

– Нет, проскочим спокойно, машина – зверь. Не волнуйся.

Он подумал, не сказать ли отцу, что везет гостей. «Пусть будет сюрприз», – решил Дубровский-младший и отключил мобильник.

Ему вспомнился вчерашний разговор с отцом. Он позвонил ему днем из студии, когда закончилась запись передачи на старый Новый год. Разговор получился коротким и нехорошим. Нехорошим, потому что пришлось вновь просить денег, коротким – потому что отец наотрез отказался обсуждать такой вопрос по телефону.

– Приезжай, – сказал он и дал отбой.

Дубровский-младший, весь на нервах, вышел из здания телеканала и набрал номер Маши. Ее телефон был вне зоны доступа. Собственно, этого и следовало ожидать после последней крупной размолвки. Это еще больше разозлило его. Он с минуту постоял в раздумье, а потом решительно направился к машине.

И чем закончился вечер? Кончился вечер совершенно никчемно. Проигрался в казино, имел неприятный разговор с его владельцем-полубандитом, напился, познакомился с непо-

нятными иностранцами, или наоборот, вначале познакомился, потом напился, роли не играет. И сейчас везет их в гости к отцу.

Зачем, для чего? Отец вряд ли обрадуется, а ведь предстоящий разговор во многом зависит от его настроения. От этого Дубровскому-младшему стало совсем мутно.

А погода между тем действительно портилась, и кажется, всерьез и надолго. Быстро потемнело. Внезапно, словно резко закрыли дверь, дунул порыв ветра, по стеклам «Рендж Ровера» потекли струйки дождя. Пришлось включить дворники.

* * *

Начальник полиции Выборга полковник Леонид Шабашкин разглядывал служебный пистолет, лежащий на столе в его кабинете, и размышлял, взять его с собой или нет. Минуту колебался, затем открыл сейф и положил оружие туда. В гости со стволом не ходят.

Он вызвал дежурного, дал последние указания, хотя тот, в общем, в них не нуждался. Сказал, что отправляется в гости к Кириле Петровичу Дубровскому в его усадьбу «Отрадное», и если что, искать его нужно там. Закрыл дверь кабинета и направился к своему джипу «Мицубиши». Личного водителя пожалел: чего зря дергать парня перед Новым годом, тем более погода разгулялась не на шутку. На улице стояла непроглядная темнота, хотя было еще четыре часа. Придерживая пальто одной рукой от сильного ветра, под дождем побежал к машине. Едва тронулся, как к дождю добавился снег. Он включил печку, дворники и подумал: хорошо, что до усадьбы генерала всего двенадцать километров. Хотя при такой погоде и этого много.

Полковник подождал пару минут, чтобы прогрелся двигатель. В эти короткие мгновения у него была возможность еще раз взвесить обстоятельства, которые сейчас вели начальника полиции в дом Дубровского-старшего. Шабашкин не был приглашен генералом, он сам позвонил и попросил о встрече. Возможно, канун Нового года не то время, чтобы решать дела, но так уж вышло.

* * *

Генерал в отставке Кирила Петрович Дубровский стоял у высокого французского окна в гостиной на первом этаже и смотрел, как набирает силу непогода, собираясь навалиться на Отрадное со всей силой. Слава богу, это были остатки урагана «Федерико», но и они могли принести немало неприятностей. Темнота перешла в черноту, и генерал приказал включить наружное освещение на крыльце, возле гаража и вдоль главной дорожки. В окно коротко хлестнул шквал дождя со снегом, затих на секунду и ударил вновь. Дубровский-старший невольно поежился. Он беспокоился за сына, который по его подсчетам должен был уже подъехать к Выборгу. «Скорее бы уже, – подумал он, – похоже, буря взяла только первый аккорд».

Зато в большой гостиной, залитой светом, было тепло и уютно. В центре стояла пахнущая хвоей нарядная елка. За спиной Дубровского-старшего пылал камин, слышался звон посуды: это управляющий Брикс расставлял приборы на столе, готовясь к приему гостей.

– Погода с цепи сорвалась, – произнес генерал, не оборачиваясь.

– Так точно, Кирила Петрович, – по-военному ответил Брикс. Ну а как могло быть иначе: службистский лексикон за много лет вьелся отставному прапорщику уже, наверное, в печень.

– Как думаешь, Володька не опоздает к ужину? Вон как метет.

– Не волнуйтесь, он парень бедовый, да и машина у него как танк.

– Да, бедовый, – вздохнул Дубровский-старший, и мысли его невольно перенеслись на сына.

Владимир был единственным отпрыском у четы Дубровских. Кирила Петрович делал обычную для военного советского времени карьеру: гарнизоны – Афганистан – учеба в военной

академии. Ему удалось избежать участия в вооруженных конфликтах 90-х годов. Спасибо приятелю по училищу, устроил к себе в тыловую службу. Сейчас кажется диким, но тогда он отказывался. Как же, боевой офицер и будет завскладом? Нет! С трудом жена убедила, к тому же у них только что родился сын. Кровавые войны на территории бывшего СССР разгорались, и супруга, дальновидная женщина, поставила ультиматум: либо развод, либо тыл. Пришлось выбирать. И не пожалел.

Ему понадобилось немного времени, чтобы понять, какое золотое дно тыловая служба. Особенно в 90-е годы, когда продавалось и покупалось все: от солдатских сапог до переносных зенитных комплексов. Но первые крупные деньги пришли к Дубровскому, когда начался вывод советских войск из Германии. Строительство домов для военнослужащих принесло ему миллионы. Конфликт в Чечне добавил еще. Угрызения совести уже не мучили, к тому же он быстро поднимался по служебной лестнице. Кирила Петрович был общительным, не болтал где не надо, пил не пьянея, умел заводить полезные знакомства и, главное, *делиться*.

В самом зрелом, подходящем возрасте, в 45 лет, на его плечи легли генеральские погоны, а в «довесок» (так любовно он называл новую должность) – назначение главным тыловиком Л-го военного округа. Что и говорить, взлетел высоко, и возможностей стало еще больше. Сам лично «бизнесом» уже не занимался, за него это делали другие – он только контролировал. К тому времени Дубровский разбогател, заматерел, облысел, обзавелся животом. От стройного бесшабашного, веселого лейтенанта не осталось и воспоминаний.

Жирные времена закончились внезапно, не успел оглянуться. Ну и повлиять, конечно, тоже на происходящее не мог.

В 2010 году структуры тыла Вооруженных сил России, спасибо новому президенту, господину Медведеву, были реорганизованы в систему материально-технического обеспечения. Новый командующий нового старого округа – Западного – затеял чистку личного состава, представлял на ключевых должностях своих людей. Дубровскому места в новой жизни не нашлось. Его отправили на пенсию с присвоением очередного звания. Новоиспеченному генерал-лейтенанту вдогонку выписали медаль, словно кость бросили.

Но недаром говорят, что беды не ходят одни. Они как монашки – вдвоем. Только пережил отставку – взбунтовалась жена. На старости лет решила жить за границей. Хотя знала, что Дубровского туда не выпустят. Никакие уговоры не помогали: хочу и все. Кончилось разводом. Дубровский с самого начала подозревал, что заграница только предлог. Так и оказалось: выскочила благоверная за дипломата и укатила с ним в Испанию.

Петербург обрыдл генералу. Казалось, все смеются над незадачливым пенсионером и брошенным мужем. На люди старался не выходить, ни с кем не встречаться, сидел дома в кресле-качалке, пил коньяк, смотрел телевизор, информацию черпал из интернета. Однако такая жизнь быстро надоела деятельному генералу. Он решил вернуться на родину – в Выборг. Оставил сыну питерскую квартиру и дачу в Репино и уехал.

Дома встретили чудо как хорошо. Даже не ожидал. Ну как же, генерал, большой человек. Перезнакомился с местным бомондом, сразу нашлась ему непыльная должность – стал он депутатом местного законодательного собрания. Словом, жизнь налаживалась. Повстречал двух знакомцев из прежней жизни: одного – хорошего человека, другой был так себе... Первый – старый сослуживец, вместе воевали в Афганистане, Андрей Гаврилович Троекуров, ныне отставной пехотный капитан, тоже теперь военный пенсионер. Ему генерал обрадовался. Второй, Ленья Шабашкин, служил под началом Дубровского в тыловой службе. Дрянь человечко, воровал по-мелкому, пришлось выгнать. А сейчас, поди ж ты, полковник, начальник полиции Выборга. Надо с ним ухо остро держать, решил генерал.

Поселился Дубровский недалеко от города, в трех километрах от поселка Отрадное. Отстроил усадьбу, которую называл тоже «Отрадное», и зажил помещиком.

Дубровского-старшего вернул от воспоминаний свет фар, бивший прямо в окно, и звук автомобильного гудка. Охранник нажал кнопку, и ворота усадьбы автоматически открылись.

Снег пошел по-настоящему, сплошной стеной, Дубровский не мог разглядеть, что за машина и кто приехал. Автомобиль остановился прямо перед крыльцом, из нее выбрались две фигуры – мужская и женская.

«Троекуров с дочерью», – догадался Дубровский и крикнул:

– Брикс, открывай!

– Уже, Кирила Петрович.

Генерал поспешил встречать гостей, спустился по ступенькам в прихожую и остановился, ожидая, когда они разденутся.

– Ну и погодка! – приглаживая мокрые от снега волосы, воскликнул Троекуров. – Давно такого не было. Похоже, надолго.

– Не так страшен «Федерико», как его малюют, – рассмеялся Дубровский. – Проходите, скоро Владимир должен подъехать. Кстати, Маша, а ты почему не с ним?

– Она со мной, – ответил за нее Троекуров. – Должна же дочь хотя бы раз в полгода видеть отца.

– Мне что-то холодно, – поеживаясь, ответила Маша.

– Так, давай к камину! – скомандовал Дубровский-старший. – А мы с тобой, Андрей Гаврилович, по рюмочке.

Не успели выпить по одной, как окна гостиной вновь осветили автомобильные фары.

– Никак Владимир! – вскинулся Брикс.

– Ну вот, все в сборе, – энергично потер руки Дубровский-старший.

– Так Шабашкин хотел приехать.

– Я его не приглашал.

Часть II. Письмо

В гостиную вошли так: впереди Пуаро с Гастингсом, следом Чапаев, замыкал шествие Дубровский-младший. Чрезвычайно изумленный Брикс отступил в сторону, пропуская нежданных гостей. Дубровский-старший вместе с Троекуровым вышли в прихожую. Вместе они составили любопытную пару: маленький, толстый, лысый генерал и худой, высокий, лохматый отставной капитан. Увидев вошедших, генерал скорее сердито, нежели удивленно, обратился к Бриксу:

– Эт-та что за мудака?

В неоднозначных ситуациях Кирила Петрович часто скатывался к армейскому жаргону. Ситуация складывалась неоднозначно или близко к этому – сомневаться не приходилось. Очевидно, этот вопрос относился в первую очередь к Пуаро, который добавил к своему экстравагантному наряду заячий тулупчик. Между прочим, выглядел стильно. Брикс лишь пожал плечами: не знаю. Зато пестрый пришелец неожиданно заявил с нескрываемой обидой в голосе:

– Ай’м ноу мьюдак.

Бритиш, оказывается, понял, что сказал генерал. Назревал скандал.

– Отец, я тебе все сейчас объясню, – протиснулся между Пуаро и Гастингсом Дубровский-младший. – Это иностранцы, мои новые знакомые, удивительные люди, не поверишь.

Объяснились. Представились. Дубровский-старший поморщился, услышав имя Эркюля. Генерал не читал ничего, кроме устава, приказов и распоряжений Минобороны, и знаменитые имена ему ничего не говорили, а пускаться в пространные объяснения Дубровский-младший счел излишним. А вот Троекуров повел себя иначе. Глаза его заблестели, он насмешливо спросил Владимира:

– Неужели те самые персонажи, из романов Агаты Кристи?

– Однофамильцы, – коротко бросил Дубровский-младший. Неужели отставной пехотный капитан читал романы великой английской писательницы?

– Володя, где ты подцепил этих чертей? – видно было, что Дубровский-старший недоволен.

– Это долгая история, отец, потом, сначала накорми нас, с утра не ели.

– Что говорит этот толстый лысый человек? – обратился к Чапаеву Гастингс.

– Он рад вас видеть и приглашает к столу.

Всей компанией прошли в гостиную. Там уже хлопотала дочь Бригса Сюзанна, плотная рыжеволосая девушка. Тут же вертелся ее сын, трехлетний Боря.

– Привет, Сюзи! Как дела? – поприветствовал ее Владимир. – С наступающим на нас Новым годом!

– Спасибо, хорошо, – слабо улыбнулась она. – Как у тебя?

– Лучше всех, видишь, какую рыбу подцепил в Питере.

– Кирила Петрович, кажется, не рад.

– Перебьется, – весело отмахнулся Дубровский-младший.

– Здравствуй, Володя, – слышался тихий голос.

Дубровский-младший резко обернулся и увидел возле камина кутающуюся в шаль знакомую фигуру.

– Маша?!

Девушка выглядела усталой и грустной. Она не смотрела на своего жениха. Дубровский-младший подошел к ней.

– Нам надо поговорить.

– О чем?

– Ты не отвечаешь на звонки, избегаешь встреч со мной.

– Ты прекрасно знаешь почему.

– Но...

– Вова, – раздался громкий голос отца, – иди сюда, гости ждут!

– Иду! – Дубровский-младший досадливо поморщился. – Встретимся в зимнем саду.

– Хорошо.

У стола в гостиной царило оживление. Проголодавшиеся гости наслаждались икрой, красной рыбой, селедочкой, бужениной, солеными опятами и другими фантастическими разносолами вроде жареного поросенка. Дубровский-старший слыл хлебосольным хозяином, свое реноме поддерживал строго. Пили кто что: Чапаев налегал на виски, Троекуров на коньяк, хозяин и Пуаро – на водку. Лишь Гастингс молчаливо вертел в руке бокал с вином.

– Вова, а этот парень, – Дубровский-старший указал на Пуаро, – наш человек, даром что англичанин и Эркюль. Водку пьет, я аж удивился. Вот не думал... Водка – хорошо? – обратился он к Пуаро.

Тот, к удивлению Дубровского-младшего, понял, видимо, уже успел в России освоить это слово.

– Уodka, yes! – экстравагантный англичанин поднял большой палец.

– Я что тебе говорил! – засмеялся Дубровский-старший. – Молодец! А вон тот мне не нравится.

Генерал, понятно, имел в виду Гастингса, который скорее делал вид, что пьет и ест, и молчал, как истинный британец. Скорее всего, языка не знает, подумал Владимир. Хотя незнание русского нисколько не мешало Пуаро быстро стать своим в барской усадьбе.

– Господа и товарищи! – Дубровский-старший постучал вилкой по стакану. – Прошу внимания! Приглашаю всех посмотреть мою коллекцию старинного оружия. Чапаев, переведи!

Чапаев перевел, англичане оживились, закивали в знак согласия. Даже Троекуров, видевший коллекцию не раз, и тот выразил готовность принять участие в экскурсии.

Встав из-за стола, компания двинулась в направлении кабинета, где Дубровский-старший хранил свои сокровища.

Владимир подошел к Маше, которая не принимала участия в ужине и безучастно сидела на кожаном диване спиной к гостям.

– Ты, кажется, не рада, что я приехал?

– Я не рада, что я приехала.

Дубровский-младший потянул ее за руку:

– Пойдем в зимний сад, там никто нам не помешает.

Они пересекли гостиную и вошли в зимний сад. Освещался он светом, проникающим через стеклянные двери, и подсветкой небольшого фонтана в центре. Растения размещались рядами и полукругом, в основном это были кактусы – к ним, как ни странно, питал слабость Брикс, он и ухаживал за колючками.

Они подошли к окну, и Владимир предложил присесть на скамейку, но Маша отказалась. С минуту молодые люди молчали, потом Владимир глухо произнес:

– Что случилось? Почему ты избегаешь меня?

– Ты хорошо знаешь, что случилось.

– Я обещал, что брошу.

– Пока я не вижу этого.

– Клянусь, что бросил.

– Это правда?

– Да! – Дубровский-младший притянул Машу к себе и стал целовать ее в шею.

– Подожди, – прошептала она, – мне кажется, на нас кто-то смотрит.

– Кто? – Владимир повернул голову и увидел, что тень мелькнула за стеклянной дверью. – Это, наверное, Бэрримор прошел на кухню. Не обращай внимания.

– Кто? – она невольно улыбнулась.

– Я иногда так Брикса называю, уж очень напоминает одного известного персонажа.

Он вновь сильно притянул ее к себе и, задыхаясь, прошептал:

– Я скучал по тебе.

– Не так сильно, Володя.

– М-м-м, мои любимые духи... – руки Дубровского гладили Машу по спине, он все сильнее сжимал ее в объятиях.

– Пусти, больно, мне нельзя так, – задыхаясь, ответила она. – Мне надо сказать тебе кое-что серьезное. Я...

– Кирила Петрович, – раздался громкий голос Брикса, – Шабашкин Леонид Вячеславович пожаловал.

Маша выскользнула из рук Дубровского-младшего, покинула сад, а Владимир все стоял на месте и думал, что же хотела сказать его невеста.

* * *

Меж тем в гостиной вновь образовалась компания. Гостям во главе с Дубровским-старшим, привлеченным возгласом Брикса, пришлось прервать познавательную экскурсию и покинуть кабинет, чтобы встретить Шабашкина.

– О, кто к нам приехал! – широко разводя руки для объятий и притворно улыбаясь, воскликнул генерал. – Ну здравствуй, дорогой, здравствуй! Как доехал?

– С приключениями: застрял, еле вырулил, дороги не видно, перемело, погодой сам черт ворожит.

– Ничего, доехал же! – Дубровский-старший покровительственно похлопал полковника по плечу. – А теперь по стопочке. Надо, надо, не возражай...

Гости вновь собрались возле стола. Однако Дубровский-младший повел себя странно. Вместо того чтобы присоединиться к компании, он скрылся в кабинете, поманив за собой Брикса. О чем они там между собой говорили, неизвестно, только Брикс вышел из кабинета с лицом человека, которому предстоит решить трудную задачу. Он подошел к Дубровскому-старшему и что-то сказал ему на ухо.

– Что еще за дела? – раздраженно произнес генерал. – Не видишь, занят.

– Очень просит, – вздохнул Брикс.

– Черт знает что, выпить не дают! – Дубровский-старший поставил рюмку на стол и пошел к кабинету.

Вскоре оттуда донеслись громкие голоса.

– Нет, я сказал, нет и еще раз нет! – командирский бас генерала пробивался через плотно закрытую дверь. – Сколько можно, сколько раз я тебя выручал! Хватит, мое терпение лопнуло. Ничего не получишь! Сам выкручивайся!

Дверь резко распахнулась, словно ее открыли пинком, и в гостиную, весь багровый, в ярости влетел генерал. Подскочил к столу и с размаху тяпнул рюмку водки. Гости замолчали.

– Что случилось? – наконец, решился спросить Троекуров.

– Не обращай внимания, Гаврилыч, порядок в танковых войсках.

Но было видно, что до порядка далеко, потому что следом из кабинета вышел бледный Дубровский-младший. Он схватил со стола бутылку виски и, ни слова не говоря, скрылся в зимнем саду. Стоявшая рядом с отцом Маша, помедлив, вышла вслед за Владимиром.

– Что произошло, Володя? Ты поругался с отцом?

– Все кончено. – Дубровский-младший отхлебнул из бутылки. – Я пропал.

Он упал на диван.

– Да что кончено, почему? – она выхватила бутылку из рук Владимира и требовательно затормозила его. – Говори!

– Я проигрался. По-крупному. Мне дали три дня, чтобы отдать долг. Я попросил денег у отца, но он отказал. Категорически. Не знаю, что делать. Меня убьют. – Дубровский-младший говорил отрывисто, словно в бреду. – Что делать, что делать, Маша? Я погиб.

– Не говори так! – воскликнула девушка. – Выход всегда есть.

– Какой?! Ты не понимаешь, это страшные люди, для них убить человека – раз плюнуть. Ты не понимаешь, ты ничего не понимаешь! – глаза Дубровского-младшего сделались совершенно безумными. Он схватил Машу за локти и начал ее трясти. Она вскрикнула, и тут же открылись стеклянные двери зимнего сада. На пороге стоял Троекуров. Он все слышал.

– Отпусти мою дочь! – закричал он. – Не смей ее касаться!

Дубровский, пошатываясь, повернулся к Троекурову. Только сейчас стало понятно, как он пьян.

– О, папенька пришел! – издевательски засмеялся он. – За своей девочкой, а девочка уже и не девочка. Она моя, хочу – коснусь, хочу... – последовало нецензурное выражение. – Правда, Маш?

Маша, вся бледная, ни слова не говоря, залепила пощечину Владимиру и, еле сдерживая слезы, выбежала из сада. Троекуров подошел к пьяному Дубровскому и, медленно проговаривая слова, произнес:

– Еще раз – и тебя нет. Слово боевого офицера.

– О, дуэль, дуэль! На чем будем сражаться? На чайниках?

– Ты ответишь за слова.

– Да пошел ты...

* * *

В гостиной между тем происходили не менее важные события, в центре которых оказался полковник. Во-первых, Шабашкин отказался пить. Уже одно это заслуживало внимания. Во-вторых, он привез букет цветов. В-третьих, выразил желание поговорить с Дубровским-старшим наедине.

– Да что такое! – взревел генерал. – Спокойно выпить не дадут. Что за важные дела сейчас?! Завтра.

– Нет, сейчас, завтра я должен быть в городе. И это важно.

Дубровский-старший внимательно посмотрел на полковника. Должно быть, в глазах Шабашкина было нечто такое, что генерал не решился ответить отказом.

– Ну пойдем. Только недолго, гости обидятся.

Они заняли кабинет, и генерал вновь услышал неприятные вещи.

– Кирила Петрович, вы меня знаете... – начал Шабашкин.

– Да уж, знаю.

– Я понимаю, о чем вы, но людям свойственно меняться.

– Неужели?

– Зря иронизируете.

– Давай к делу, – перебил его Дубровский-старший.

– Хорошо, к делу так к делу. Это касается вашего сына.

– Что?

– Его отношений с Марией Троекуровой. Они собираются пожениться, более того, уже состоялась помолвка.

– Тебе-то какое дело до личных планов Владимира?

– Самое прямое. Я тоже собираюсь жениться на Маше.

- Ты?! Ха-ха. Ох, уморил! А она знает об этом?
- Знает. Мы говорили с ней.
- И что?
- Она сказала, что ей надо подумать.
- Плохи твои дела, Шабашкин. В переводе с женского на мужской это значит: отвянь!
- Ну почему же. С вашим сыном она будет несчастлива, и Маша это понимает. Владимир, как бы выразиться интеллигентнее, вниз катится: вино, карты, долги, наркотики. Он плохо кончит – и Машу с собой утянет.
- Что?! И это говоришь ты, мелкий плут и мошенник, которого я выгнал из армии за воровство! Да я тебя, сморчок... – генерал схватил Шабашкина за лацканы пиджака. Тот, впрочем, остался совершенно спокоен.
- Руки уберите. Я же говорил, люди меняются. Я уже не тот лейтенант, которого вы когда-то гоняли за водкой. А вы уже бывший генерал, если забыли. Пенсионер, хотя и персональный.
- Чего ты хочешь? Денег?
- Генерал, денег у меня больше, чем у вас.
- Что же?
- Я хочу, чтобы вы расстроили помолвку вашего сына и Маши.
- Каким же образом?
- Скажите ему, что вы против.
- Вряд ли он послушается.
- Послушается, если вы заплатите его долг. А он, по моим сведениям, составляет пятьдесят тысяч долларов.
- Слышь ты, мудило, – генерал перешел на армейский жаргон, – не трогай моего сына, хребет сломаю.
- Ну это вряд ли. Вы лучше бы о себе позаботились. У меня в сейфе папочка лежит интересная, а там документики еще более интересные. О том, как протекала ваша параллельная тайная жизнь в армии, какие комбинации вы прокручивали, как обогатились за счет государства. Некоторым людям интересно будет взглянуть. Так как?
- Мне надо подумать. – Дубровский-старший вдруг съехался, будто из него выпустили воздух.
- Думайте, только недолго. – С этими словами Шабашкин вышел из кабинета.

* * *

В гостиной царило затишье. Веселье не складывалось. Разговор в отсутствие хозяина дома не клеился. Чапаев пытался развлечь иностранцев анекдотами, но те лишь вежливо улыбались и качали головой. Русский юмор британцы решительно не понимали, вернее, понимали все буквально.

- Как русские могут смеяться над евреями? Это же расизм. Не думал, что наш переводчик – юдофоб, – прошептал Гастингс Пуаро.
- Зато водка у них хорошая, – отвечал грубый человек.
- Вы все о водке. Наверное, хватит уже пить.
- А что тут пить? – удивился Пуаро.
- В самом деле, – ухмыльнулся Гастингс, обводя взглядом батарею бутылок с водкой, коньяком и виски.

Тенью вокруг стола сновала Сюзанна, меняя грязные тарелки и приборы, убирая мятые салфетки и пустые бутылки.

Троекуровы не участвовали в разговоре, они вообще отошли подальше от компании. Андрей Гаврилович нервно выговаривал что-то дочери. Та молчала, опустив голову.

Шабашкин решительно направился к ним.

– Маша, он вас обидел?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Ну, не молчите же.

– Леонид Вячеславович, – вмешался Троекуров, – вы бы своей властью прекратили домогательства этого... этого донжуана. Он опасен для Маши.

– Вообще-то, у меня есть идея, – Шабашкин покосился на Машу и, увидев ее настороженный взгляд, поспешил успокоить: – Нет-нет, никаких силовых мер.

Маша сильнее запахла шаль, словно защищаясь от слов Шабашкина, и произнесла:

– Мне нездоровится, извините, я вас покину. – И ушла.

– Что за идея, полковник? – потребовал Троекуров.

– А вы знаете, что они помолвлены? – вдруг спросил Шабашкин.

– Что?! – Троекурова поразило не само известие, а скорее то, что дочь не сказала ему. –

Так далеко зашло?! Я не знал.

– Мы многого не знаем о наших детях – или не хотим знать.

– Да что же делать? – Троекуров, казалось, не заметил последних слов полковника.

– Он сам откажется от Маши, – недобро усмехнулся Шабашкин.

– Почему?

– Он в тупике, из которого только один выход.

– Вы говорите загадками.

– Загадки скоро откроются.

– И все же?

– Не торопите события, Андрей Гаврилович, – уклонился от ответа полковник. – События сами поторопят нас. Думаю, уже завтра.

– Завтра Новый год.

– Будет повод поздравить друг друга.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, – эта сакраментальная фраза в устах Троекурова прозвучала банальнее, чем была на самом деле.

В это время из кабинета появился Дубровский-старший. Выглядел он неважно. Взгляд, обращенный внутрь, дрожащие руки, которые он тут же сунул в карманы, выдавали внутреннее напряжение. Он подошел к столу, покачался с пятки на носок, оглядел гостей и скомандовал:

– По последней – и спать.

Гости расположились следующим образом. Иностранцев вдвоем разместили в гостевой рядом с кабинетом, Машу – в детской на втором этаже, напротив комнаты Сюзанны с мальчиком; Троекурова – в мансарде, в библиотеке; Шабашкина – в пристрое над гаражом, в гостевой спальне, рядом с комнатами Брикса и охранника. Дубровский-старший укрылся в своей спальне на втором этаже. Дубровскому-младшему для ночлега был отведен кабинет, но он уснул на диване в зимнем саду. Решили не будить.

* * *

Ночью погода разыгралась. Ветер неистовствовал, злобно дергая провода, ударял по окнам, стучал в двери, занес снегом крыльцо. Этого ему показалось мало, и он с яростью повалил на землю молодую сосенку позади дома.

Особняк притих, словно затаился, стараясь держаться незаметнее, но в то же время с достоинством – извечное соперничество ветра и камня. Внутри жизнь постепенно затихала. Дубровский-старший, расстроенный неприятными разговорами, не мог уснуть. Тогда он счел за лучшее выпить стакан виски, спиртное через некоторое время сделало свое дело, и генерал наконец уснул. Еще раньше отошел ко сну Пуаро, он храпел и мешал Гастингсу, который

попытался разбудить его, но безуспешно. Троекуров, который по натуре был холериком, мерил комнату нервными шагами, в который раз проигрывал в памяти разговор с Дубровским-младшим и старался разгадать таинственные слова Шабашкина о том, что молодой человек сам откажется от руки его дочери. И с горечью думал, что Маша не была откровенна с ним. И это крайне беспокоило Троекурова.

Чтобы успокоиться, он вытащил с полки первую попавшуюся книгу, сел на диван и начал рассеянно ее листать. Это был детектив «Чисто английское убийство». «Чисто английское... – автоматически отметил он, думая совсем о другом. – Как бы не вышло чисто русское».

Маша тоже бодрствовала. Но в отличие от отца, она неподвижно сидела в кресле, прижав руки к груди. Мысли ее возвращались к дикой сцене в зимнем саду, пьяной выходке Владимира. «Неужели выход только один?» – спрашивала она себя.

Дубровский-младший ворочался на скамейке в зимнем саду. Ему снились кошмары, в которых Чапаев с Пуаро бились на саблях, а он с Гастингсом заключил пари на победу одного из противников.

* * *

Наконец дом облегченно выдохнул и затих, посапывая во сне.

Последними легли спать Брикс и его дочь Сюзанна. Они убирали в гостиной, шепотом переговариваясь между собой, мыли посуду и пили чай на кухне.

– Сюз, – сказал Брикс, – чувствую, завтра нам придется нелегко. Владимир, кажется, совсем слетел с катушек. От него, когда выпьет, всего можно ожидать.

– Брикс (как и все, она называла отца именно так), чего ты хочешь, – раздраженно ответила она, – он избалованный мажор, который ни в чем не знает отказа, вот и ведет себя как скотина. Бедная Маша! Притащил каких-то собутыльников, устроили пьянку! Убирай за ними!

– Ладно, дочь, – озабоченно проговорил Брикс, – давай тоже ложиться. Завтра предстоит тяжелый день.

– Уже сегодня.

Едва она это сказала, как кухня погрузилась в темноту. И не только кухня, а весь дом. Также погасли огни фонарей на крыльце и вдоль дорожки.

– Что это?! – тревожно вскрикнула Сюзанна.

– Черт его знает, – пробормотал Брикс, стоя в полной темноте. – Может, пробки вылетели? Где у нас фонарь?

– В правом настенном ящике.

Брикс, натываясь на кухонную мебель, шарил по полкам, уронил банку с кофе, чертыхнулся и наконец нащупал фонарь. Узкий свет кинжалом прорезал темноту.

– Пойду спущусь на цокольный этаж, в электрогенераторную, посмотрю пробки.

Он ушел, а Сюзанна неподвижно сидела в полной темноте. Брикс отсутствовал недолго.

– Пробки на месте, видимо, линию ураган повредил, – озабоченно произнес он. – Завтра запустим генератор, сейчас устал, да и поздно уже. Пойдем, провожу тебя.

Они молча поднялись на второй этаж, где Брикс пожелал дочери спокойной ночи, потом спустился к себе.

В доме вновь стихло. Лишь ураган снаружи также пытался ворваться внутрь мокрым снегом и дождем, дышать на людей холодом. Но его бесплодные попытки лишь создавали внутри ощущение уюта и покоя.

Через два часа на полу в гостиной появилось светлое пятно. Оно двигалось, описывая дугу, и уперлось в дверь кабинета. Это был луч маленького фонарика-карандаша. Луч на некоторое время застыл на месте, потом дверь открылась, и луч бесшумно вошел в кабинет.

* * *

Утро для обитателей усадьбы выдалось разное. Брикс встал рано и сходил подключить генератор, потом они с дочерью хлопотали на кухне. Шабашкин, Троекуров и Гастингс вышли в гостиную к завтраку, как и было заранее объявлено хозяином, в восемь часов. Особенно хорош был англичанин. С блеском выбритый, пахнувший дорогим парфюмом, в ослепительно белой рубашке и галстук, он, казалось, и не ложился вовсе, а провел ночь за составлением своего туалета. Троекуров предстал помятым, лохматым, с красными глазами – сразу видно, что человек плохо спал или не спал вовсе. Шабашкин выглядел флегматично. По его виду было трудно догадаться, что у него на уме.

На завтрак были поданы хлеб, масло, джем, чай и кофе. Сюзанна также предложила компании яичницу. На это откликнулся один Гастингс, при этом пытаясь объяснить, чего он хочет. Сюзанна растолковала его слова по-своему и с удивлением уставилась на англичанина:

– Со свиньей? У нас нет свиней.

– С беконом, – вздохнул Шабашкин. – Чисто по-английски.

Сюзанна удалилась на кухню готовить Гастингсу яичницу с беконом.

Троекуров, налив себе чая, повернулся к Шабашкину:

– Как спалось?

Полковник усмехнулся:

– Что за политесы, вы ведь не об этом хотите знать?

– Вы правы. Я беспокоюсь о дочери, мне не нравится ее настроение, ее отношения с Дубровским-младшим.

– Что же вам не нравится в нем? Завидный жених, богатый наследник.

– Он все промотает. Маша будет с ним несчастна, она уже несчастна. Вы видели, как он с ней обращается?

– Видел.

– Вы мне вчера обещали, что все устроится и они расстанутся.

– Обещал. Но не торопитесь. Дождемся, когда проснется молодой человек, когда с ним поговорит папаша, когда они найдут общий язык. Все должно идти постепенно, одно за другим.

Но постепенно не получилось. Громко хлопнула дверь спальни, в которой ночевал хозяин дома. Все обернулись и увидели мрачного генерала в халате, который, не глядя на гостей, устремился в кабинет. В руках он держал какой-то листок.

Некоторое время в кабинете царила тишина, потом ее разорвал настоящий рев:

– Негодай!

Вслед за этим из кабинета выскочил Дубровский-старший и ринулся в зимний сад. Гости поставили чашки на стол, с удивлением наблюдая за странными перемещениями генерала. Он меж тем скрылся в саду, и уже оттуда послышались крики:

– Вставай! Негодай, мерзавец! Урою!

Гостей словно магнитом притянуло ко входу в зимний сад, и их глазам предстала довольно неприглядная картина. Дубровский-старший пытался поднять сына с дивана, на котором тот спал. Нецензурная брань сыпалась из уст генерала, словно он был на плацу:

– Ты что творишь, ворюга?!

Дубровский-младший, приподнявшись на диване, непонимающе уставился на отца:

– Ты о чем?

Этот вполне естественный вопрос привел генерала в еще большее бешенство:

– А-а, будешь прикидываться? Зашибу! Где спрятал?!

– Ты о чем? – повторил свой вопрос изумленный Владимир.

– Вы только посмотрите на него, – Дубровский-старший с деланным изумлением обернулся к гостям, словно призывая их в свидетели: – Украл, негодяй, украл! Вот! – он потряс бумагой, зажатой в руке. – Говори, где спрятал!

– Что я украл? Объясни в конце концов!

– Прикидываешься, хочешь объяснений? Изволь. Пойдем в гостиную. – Генерал кипел от негодования.

Все прошли к столу, и вот что выяснилось. Ночью пропала семейная реликвия – карманный пистолет начала XIX века, из которого, по преданию, предок Дубровских застрелил медведя в усадьбе Троекуровых. Этот факт стал широко известен благодаря повести Пушкина «Дубровский». В семье считали, что поэт был знаком с Владимиром, который служил в гвардии и рассказал историю с медведем Сергеичу, как звал Пушкина отец Владимира, Андрей Гаврилович, обедневший дворянин, сроду не выезжавший из Санкт-Петербурга. В Кистеневке жил его двоюродный брат, к нему и приехал Владимир на отдых. Разъяренного медведя он застрелил на ярмарке, когда тот сорвался с цепи и мог покалечить немало народа. В том числе и председателя местного дворянства Кирилу Петровича Троекурова. Владимир спас ему жизнь.

Александр Сергеевич по-своему интерпретировал рассказ друга, добавил воображения и создал в итоге романтическую историю. Андрей Гаврилович Дубровский за то, что выставил его сына разбойником, прекратил отношения с поэтом и отказал ему от дома. Со временем истинные события, как это часто бывает, забылись и остался лишь миф о романтической любви, благородном разбойнике и пистолете.

Оружие хранилось в семье около двухсот лет и передавалось по наследству. В коллекции Дубровского-старшего пистолет был самым ценным экспонатом с историей, связанной с Пушкиным, более ценным, чем пара дуэльных пистолетов того же времени. За него предлагали бешеные деньги, но он не продавался. И вот пистолет исчез.

Открылась и причина гнева генерала, когда он бросил на стол листок бумаги, сложенной посередине, который оказался анонимным письмом.

– Подбросили в спальню. Читайте! – коротко бросил хозяин усадьбы и позвал Брикса: – Принеси мне выпить.

Брикс поспешил исполнить приказание, а гости сгрудились возле письма. Оно состояло всего из одного короткого предложения.

«Пистолет взял Владимир». Слова были вырезаны из какого-то печатного издания и наклеены на бумагу обычного формата А4.

– Не трогайте! – поспешил сказать Шабашкин. – Возможно, остались отпечатки пальцев.

– Вряд ли, аноним не сумасшедший, – возразил Троекуров.

– Дорогой ствол? – спросил Шабашкин генерала.

– Какой ствол! Это у тебя ствол, а это пистолет, произведение искусства, – пренебрежительно ответил Дубровский-старший. Он уже успел отпить виски из стакана и немного успокоился.

– Ты? – обратился он к сыну.

– Нет. Я не брал. – Дубровский-младший отрицательно покачал головой. – Брикс, мне тоже выпить.

– Ну да, ну да! Пистолет просто испарился.

Вдруг громко хлопнула дверь гостевой комнаты, и в гостиную вывалился Пуаро. Вид у него был совершенно дикий: всклокоченные волосы, красные глаза, опухшее лицо – все говорило, что человеку плохо. Он подошел к столу, разлепил запекшиеся губы и простонал:

– Запой.

Генерал сразу понял, что нужно гостю, и скомандовал:

– Брикс!

Брикс невозмутимо налил виски на два пальца и протянул стакан Пуаро.

- Ну вот, все в сборе, – сказал Шабашкин.
- Маши нет, – поправил его Дубровский-младший.

Часть III. Следствие

– Ураган «Федерико» продолжает хозяйничать на северо-западе России, – в тишине, почему-то наступившей после слов Дубровского-младшего, голос диктора на экране телевизора звучал особенно громко. – Ненастье продолжится еще сутки, а потом его сила начнет спадать. Температура в новогоднюю ночь составит...

– Ночью электричество вырубил, Кирила Петрович, видимо, линию повредило, – доложил Брикс.

– Включи генератор.

– Уже сделано.

– Володя, приведи себя в порядок и потом ко мне в кабинет, – обратился генерал к сыну. Он уже окончательно овладел собою, по крайней мере с виду.

– Нельзя в кабинет, – заявил Шабашкин, – это место преступления. Заявляю это как официальное лицо. Мною будет вызвана оперативная группа и открыто следствие по факту пропажи пистолета.

Слово было произнесено. Смысл понятен. Статус изменен. Каждый из компании, собравшейся весело встретить Новый год, превратился в подозреваемого.

Генерал, набывчившись, сверлил взглядом Шабашкина. Тот глаз не отводил и вызов принял с нехорошей усмешечкой. Полковник вмиг оказался в своей полицейской стихии и чувствовал себя в ней уверенно.

– Ладно, – генерал начал вновь заводиться. – Володя, пройдем в спальню, поговорим там. Надеюсь, полковник, туда ты оперов не пришлешь?

– Не пришлю. Пока, – со значением добавил Шабашкин.

– У меня там грязное белье, пусть стирают.

– Понадобится – и стирают.

Дубровский-старший собирался что-то ответить, но сдержался, так что последнее слово осталось за Шабашкиным.

* * *

Едва закрылась дверь спальни за Дубровскими, как отец резко повернулся к сыну:

– Скажи честно: взял?

– Нет.

– Не верю. Тебе деньги нужны, я не дал, ты решил зайти с другого конца. Верни пистолет, и все забудем. Шабашкин спит и видит, как бы повесить на тебя статью. Кстати, он предлагал мне оплатить твой долг с условием, что ты бросишь Машу.

– Гнида!

– Вот поэтому я и прошу вернуть пистолет, чтобы не давать лишнего повода этому придурку.

– Отец, у меня нет пистолета.

– Так у кого он?

– Не знаю!

– Володя! – Дубровский-старший схватил сына за лацканы куртки. – Этот урод может погубить нас!

– Тебя-то каким образом? – Дубровский-младший рывком освободил куртку.

– У него на меня есть компромат.

– Старые армейские делишки?

– Не твое дело. Верни пистолет.

– Я его не брал!

– Ну да, ну да. Ты ведешь рассеянный образ жизни, играешь, балуешься наркотой, трахаешь кого попало, делаешь долги, я за них расплачиваюсь, и думаешь, что так будет вечно. А как ты собрался содержать жену, семью? Продашь пистолет? Так и эти деньги проиграешь.

– Еще раз говорю, я пистолет не брал. И не лезь в мою личную жизнь!

– Да мне плевать на твою личную жизнь! Верни пистолет!

– Все, мне надоело выслушивать твои инсинуации! Я возвращаюсь в Питер!

– Не терпится получить деньги? Наверняка уже покупателя нашел.

Но Дубровский-младший уже не слышал этих слов. Он в бешенстве промчался по лестнице на первый этаж в гостиную и бросил гостям:

– Я уезжаю в Питер.

– Э-э нет, Владимир Кириллович! – на пути молодого человека встал Шабашкин. – Никто не покинет этот дом без моего разрешения.

– Полковник, руки уберите, – презрительно произнес Владимир. – Командуйте у себя в околоте.

Назревала нешуточная ссора, как вдруг молчавший до сих пор Гастингс произнес:

– Отпустите его, полковник, все равно молодой человек никуда не уедет, он просто не сможет. Вы в окно посмотрите.

И действительно, за окном высились сугробы, которые наметывал принесшийся невесть откуда злой ветер.

– А вдруг у него в машине краденый пистолет? Отъедет от усадьбы и выбросит. Запомнит место и вернется. Машину надо обыскать в любом случае. Владимир Кириллович у нас сейчас главный подозреваемый, – недобро усмехнулся Шабашкин.

– Пистолет крали не для того, чтобы выбросить в снег, – ответил Гастингс. – Тем более что оружия в машине нет.

– Почему вы так считаете?

– Ключи от автомобиля у меня. Вчера господин младший Дубровский их потерял, а я нашел. Утром хотел отдать их владельцу. Возьмите.

Гастингс протянул ключи Дубровскому. Тот взял и положил в карман:

– Спасибо.

– И все же надо осмотреть машину. Пройдемте, Владимир Кириллович, – упорствовал полковник.

– Попробуйте.

– Ключи, – потребовал Шабашкин.

– Много берешь на себя, полковник, как бы тебе это боком не вышло, – раздался с лестницы голос Дубровского-старшего. – Езжай, Володя, я этого черта беру на себя.

Генерал спустился в гостиную и встал напротив полковника, тем самым отрезав Шабашкина от входной двери.

– Не надо со мной так, генерал.

– А как надо?

– Вежливо. Вам напомнить наш вчерашний разговор?

– Я помню. Только и ты не забывай про свои грешки.

Хлопнула входная дверь. В гостиной на секунду пахнуло холодом, дунуло ветром и снегом. Дубровский-младший вышел в непогоду. Через минуту послышался шум включаемого двигателя.

– Зачем вы его отпустили? – зашептал на ухо полковнику Троекуров.

– Далеко не уедет. Гастингс прав. А если не прав, то сейчас позвоню в Выборг, в отдел, и там его встретят.

Но сделать это оказалось непросто. Сотовая связь не работала. Шабашкин несколько раз набирал номер своего заместителя, но все напрасно.

– Может, на улице ловит, – предположил Троекуров.

– Сейчас попробуем.

– Товарищ полковник, – неожиданно в разговор вмешался Брикс, – на крыше, возле чердачного окна, связь точно работает. Я в непогоду всегда так делаю, если надо связаться с городом.

Дубровский-старший свирепо посмотрел на Брикса: ты что вмешиваешься? Тот в ответ незаметно подмигнул генералу.

– Отлично, так и сделаем, – оживился Шабашкин.

– Леонид Вячеславович, в такую погоду это чистое безумие. Вы рискуете, – попытался остановить полковника Троекуров.

– Сколько раз в жизни я рисковал по-настоящему. А это разве риск – залезть на крышу. Проводите меня, Брикс. Да, попрошу не входить в кабинет. Там нужно все осмотреть. Андрей Гаврилович, проследите. Анонимное письмо я беру с собой, чтобы ни у кого не возникло соблазна его уничтожить.

При этом полковник многозначительно посмотрел на Дубровского-старшего. Тот, однако, уже не обращал внимания на Шабашкина. Он возмущился поведением Троекурова.

– Гаврилыч, с каких пор ты стал доверенным лицом этого оборотня в погонах? Старые друзья так не поступают. Изволь объясниться.

– Петрович, я давно тебе хотел сказать, что Маша и Владимир не подходят друг другу. Моя дочь – скромная и чистая душа, твой сын, сам знаешь, ведет разгульный образ жизни. Она будет с ним несчастна, рано или поздно он бросит ее. Я не хочу этого, она у меня единственная дочь, и я не позволю сломать ей жизнь.

– Значит, мой сын недостойн такого сокровища, как твоя дочь, – побагровел Дубровский-старший. – Рылом не вышел. А кто вышел? Шабашкин? Этот слизняк? Вот, значит, почему ты вертишься возле него. Набиваешься в родственники?

– Возможно, я бы закрыл глаза на образ жизни Владимира, но он вчера оскорбил Машу и меня. Меня – ладно. Но дочь я ему не прощу.

– Не лезь в их отношения, не лезь в дела моего сына. Ты находишься у меня в доме, в гостях, пользуешься моим гостеприимством, пьешь, ешь, спишь и при этом науськиваешь Шабашкина на Владимира. Как это называется?

– Я не набивался к тебе в гости! И жалею, что приехал. Что касается кражи, я не верю, что Владимир ее совершил. Но это должно послужить ему уроком. Может, образумится.

– Это ты должен образумиться, капитан.

– Не смей так со мной разговаривать! К черту этот дом! Ни минуты здесь не останусь.

– Скатертью дорога! Посмотрю, как ты будешь до Выборга добираться.

– Они ссорятся? – встревоженно спросил Чапаева Гастингс.

– Нет, они спорят о том, как лучше сделать ремонт крыши.

– Зачем спорить, надо просто позвать специалиста.

– Они выбор сделать не могут.

Между тем Дубровский-старший и Троекуров разошлись, крайне недовольные друг другом. Раздраженный донельзя генерал подошел к столу и налил себе рюмку коньяку. Троекуров же поднялся на второй этаж к дочери.

Вернулся Брикс.

– Проводил?

– Так точно, Кирила Петрович.

– Там вправду ловится сигнал?

– Нет, что вы, я пошутил.

Генерал со смехом покрутил головой:

– Моло-о-одчик! Ценю. Выпьешь?

– Спасибо. Я на службе.

– Господа, что вы такие скучные? – обратился Дубровский-старший к иностранцам. – Веселей надо быть! Это не по-нашему. Новый год на носу. Кто празднику рад, тот накануне пьян. Шутка. Но выпить надо.

– Слишком рано для выпивки, – отказался Гастингс. – Я пойду к себе.

– Какой-то ты правильный, не нашенский, сразу видно, – вздохнул генерал и кивнул Чапаеву: – Не переводи. А вот Эрки – наш человек, верно? Давай махнем, и ты, Чапаев, с нами, без возражений.

Чапаев и не возражал.

– Ну что, – генерал азартно потер руки. – А теперь – в бильярдную.

– Пуаро говорит, что не умеет играть в бильярд, – перевел Чапаев.

– Знаешь, как в армии говорят: не можешь – научим, не хочешь – заставим, – засмеялся Дубровский-старший. – Брикс, сообрази нам в бильярдную, сам знаешь что.

Как только гостиная опустела, появилась Сюзанна и деловито начала наводить порядок. Она бросила взгляд на телевизор – в новостях по-прежнему говорили о метели. Потом собрала грязную посуду на тележку и увезла ее на кухню. Из бильярдной вернулся Брикс:

– Сюзи, ты где?

– Я здесь, папа.

Она вошла в гостиную, вытирая полотенцем руки.

– У нас кончаются продукты, Новый год съест последние запасы. Чем будем кормить гостей, если метель продлится еще день?

– В кладовой полно консервов, побалуем иностранцев тушенкой да перловкой. Не все же икра и балык.

– Что они о нас подумают?

– Тебя это волнует?

– Ну все же гости.

– Ты лучше вот что мне скажи: ты с ним разговаривала насчет вашего сына?

– Да.

– И что?

– Он уходит от ответа.

– Плохо. Похоже, младший Дубровский собрался жениться.

– Я знаю.

– А если знаешь, то надо действовать решительно. Он должен стать официальным отцом Бори.

– Не так-то просто это сделать.

– Надо ради вашего будущего. Если не сделаешь, я сам...

– Подожди, – остановила отца Сюзанна, – кажется, снаружи кричат.

Они замолчали и прислушались.

– Ошибаешься, это ветер.

– Тихо.

Они прислушались. И действительно, с улицы раздался едва слышный крик, заглушаемый воем метели.

– Что это? – Сюзи недоуменно посмотрела на отца.

– Крик, – усмехнулся Брикс, – и я, кажется, знаю, кто кричит. Пойду посмотрю.

– Я с тобой.

Накинув куртки, они вышли на крыльцо. Буря намела здесь приличный сугроб, и Брикс с дочерью провалились в мягкий мокрый снег. Крик раздавался слева от входа. Они спустились

по ступенькам и в свете тусклых фонарей увидели две фигуры. Одна лежала в сугробе, издавая протяжные стоны, другая склонилась над ней, впрочем, не делая попыток помочь лежащему человеку.

Стоявший повернул к ним голову и оказался Дубровским-младшим. В стонущем человеке они узнали Шабашкина.

– Что вы с ним сделали? – вскрикнула Сюзанна.

– Абсолютно ничего, этот чужак упал с крыши. Хотел бы я знать, зачем он туда залез, – пожал плечами Владимир.

– Вы ранены? – участливо спросила Сюзанна.

– Кажется, я сломал ногу, – простонал Шабашкин. – Это все вы, Брикс, обманом заманили на крышу, а мобильный там не берет. Я вам этого не прощу.

– Помилуйте, Леонид Вячеславович, какой обман, вчера звонил, все работало. Сегодня, сами видите, какая погода, вот сотовая связь окончательно и отключилась.

– Что произошло? – удивился Дубровский-младший. – Как он там оказался?

– Вы же знаете, сотовая связь перестала работать в доме. Я посоветовал Леониду Вячеславовичу попробовать позвонить с крыши, там всегда берет. Ну, он полез, а дальше – вы сами видите. Кстати, а вы как здесь оказались? Вроде уехали.

– Да помогите же, черт вас всех дерит! – закричал Шабашкин. – Хватит болтать!

– Это не по моей части, – уклонился Дубровский-младший и пошел в дом.

Пришлось охромевшего полковника тащить Сюзанне и Бриксу. Кое-как справились. Шабашкина уложили на диван в гостиной. Брикс принес коньяку ему и промерзшему Дубровскому-младшему. Тут же выяснилось, как он очутился на месте падения незадачливого полковника. Отъехав примерно с километр от усадьбы, Владимир потерял дорогу и застрял в огромных сугробах. Не спас и мощный «Рендж Ровер». Напрасно водитель давил на газ, машина все больше погружалась в снег. Когда колеса наполовину ушли в сугроб, Владимир выключил двигатель и побрел к усадьбе. Здесь он и стал свидетелем полета Шабашкина с крыши.

* * *

Поставить диагноз полковнику не смогли – врачей в «Отрадном» не оказалось. Рассматривалось два варианта: вывих опухшего голеностопа и перелом. Сюзанна перетянула голеностоп бинтами, но это мало помогло – самостоятельно ходить Шабашкин не мог. Он попросил костыли или палочку, но Дубровский-старший с едва скрываемым злорадством сообщил пострадавшему, что ни того ни другого в доме нет.

– Так что, полковник, тебе придется вести горизонтальный образ жизни. Терпи, буря кончится, за тобой приедут.

Ввиду форс-мажорных обстоятельств застопорилось и следствие, которое едва начал Шабашкин. Это обстоятельство больше беспокоило полковника, чем травма. Бездействие злило его, и он в который раз повторял, чтобы никто не входил в кабинет, что нужно установить автора записки. Впрочем, его призывов никто не желал слушать, никто не собирался искать преступника. После утренних треволнений для всех, кроме полковника, жизнь в усадьбе постепенно входила в обычную колею.

Настало время обеда. Вышла и Маша Троекурова. Выглядела она неважно, куталась в платок, в разговоры не вступала, думая о своем.

– У нас тут ЧП, – обратился к ней Дубровский-младший, – украли семейную реликвию – пистолет начала XIX века. И представь, наш доморощенный Шерлок Холмс – Шабашкин – подозревает меня.

Слышавший эти слова полковник прокричал с дивана:

– Имею для этого основание!

– Он получил анонимное письмо, где говорится, что это сделал я, – прокомментировал его восклицание Дубровский-младший.

– Я в курсе, мне отец сказал, – коротко ответила Маша.

– Понятно, кроме меня, никто не мог этого сделать! – с иронией продолжал Владимир. – Как же, весь в долгах, отец денег не дает, вот я и решил поправить положение.

– Это правда? – Маша подняла на него глаза, взгляд ее был спокоен и печален.

– Что правда?

– Что ты не брал пистолет. Только не лги.

– Правда.

– Хотела бы я тебе поверить.

– Чем я могу доказать, что не брал этот чертов пистолет?!

– Правдой.

– Что ты талдычишь одно и то же! Я же сказал: нет!

– Ты столько раз обманывал меня, что я уже не знаю, где правда, где ложь.

Она внезапно побледнела, покачнулась и схватилась за живот. Дубровский-младший подержал ее, обняв за талию:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.